

Анна Анна

ГРАФИНЯ ОБОЛЕНСКАЯ

МОСТЫ В БУДУЩЕЕ

Айлин Лин

**Графиня Оболенская.
Мосты в будущее**

«Автор»

2026

Лин А.

Графиня Оболенская. Мосты в будущее / А. Лин — «Автор»,
2026

Санкт-Петербург, 1894 год. Сегодня я - первая женщина Российской империи, которую признали достойной звания инженера путей сообщения. Вот только одного признания мало. Впереди анонимный конкурс на мост через Неву, новый двигатель Костовича и тайная сделка на далёкой Аляске. И французы всё никак не успокоятся, желая заполучить наши чертежи. А ещё враг, которого я считала побеждённым, вырвался на свободу и жаждет мести. Но я слишком дорого заплатила за право самой распоряжаться своей жизнью, чтобы теперь сдать и позволить кому-то разрушить всё, что я создала. Подписка. Проды по Пн, Ср, Пт. Спасибо всем, кто ставит звёзды и оставляет комментарии!

© Лин А., 2026

© Автор, 2026

Айлин Лин

Графиня Оболенская. Мосты в будущее

Глава 1

- Александра Николаевна, это что за такое?.. - округлив глаза, выдохнул Васька. - Это мне?!

Мальчонка замер у моего письменного стола, склонившись над небольшим ящичком, обтянутым чёрной шершавой кожей. Гладкая коробочка с кирпич размером так и манила: прикоснись, со мной можно остановить время. С передней стенки на Васю глядел глубоко утопленный круглый стеклянный глаз, сбоку виднелась кнопка, сверху торчали латунный ключ и короткий шнурок с кисточкой.

Палец мальчишки потянулся к ключу.

- Не трогай.

- Да я только поглядеть хотел, - он немедленно спрятал руки за спину, но вина на остреньком личике быстро сменилась всё тем же жадным любопытством.

- Именно с этого начинается всякая поломка, - фыркнула Мотя, скрестив руки на груди.

Васька, не обратив внимания на её слова, медленно обошёл стол по кругу и в итоге присел на корточки, чтобы рассмотреть диковину с другого ракурса.

- На коробку чайную похожа. Только с глазом.

- Это «Кодак», американский аппарат. Внутри у него лента на сотню снимков, ключ её перематывает, потому и трогать нельзя: провернёшь и испортишь кадры, - пояснила я.

- Снимков? - поднял на меня глаза Васька. - Это как у фотографа на Невском, где под чёрной тряпкой сидят и велят не дышать?

- Почти, только без лишних предметов. Дёрнул шнурок, нажал кнопку и готово. Американцы так и пишут в рекламе: вы жмёте кнопку, остальное за нами. Нужно отщёлкать всю ленту, а после отвезти аппарат в магазин, там плёнку вынут, карточки отпечатают, а в аппарат зарядят свежую ленту.

- И что, не хуже снимает, чем настоящий фотограф?

Я достала из конверта небольшую, круглую карточку. На ней улыбающийся мальчик в матроске застыл возле фонтана, а собака поймала на лету брошенную палку.

Васька осторожно взял карточку и поднёс её к свету.

- Это вот этой коробкой снято?

- Ею.

Он прищурился, разглядывая изображение.

- Собака-то прыгала. А у фотографа всем сидеть велят да не шевелиться.

- «Кодак» ловит мгновение. Собака давно приземлилась и где-то бежит дальше, а миг остался.

Мальчик снова посмотрел на чёрную коробку.

- И треноги не надо?

- Не надо.

- Стало быть, можно человека снять, а он и не приметит?

Вот теперь он добрался до главного, умный ребёнок.

- Можно, если не полезешь к нему с аппаратом под самый нос. Но прежде придётся научиться. Завтра придёт фотограф, которого я наняла. Он покажет тебе, как держать «Кодак», целиться по рискам, взводить затвор и протягивать ленту. А после научит её проявлять и печатать снимки.

- Меня, стало быть, в фотографии определили? - Вася отёр нос рукавом и хитро на меня покосился.

- А ты против? - отзеркалила я.

- Думать надо, - почесал он в затылке.

- Тогда я найду кого-то другого, - пожала плечами я и протянула руку за снимком. Васька сделал стремительный шаг назад и быстро-быстро замотал головой.

- Я же не сказал нет, Александра Николаевна, ну что вы сразу-то? Я хочу попробовать. Всегда хотел, если честно...

- Вот и ладно, - стараясь скрыть улыбку, я вернулась к столу. - Будешь предлагать гуляющим карточки на память. И заработок получишь, и никто не станет гадать, отчего ты изо дня в день крутишься на Миллионной с аппаратом.

Васька кивнул, личико мигом посерьёзнело, бровки сосредоточенно насупились:

- А кого снимать не для памяти?

Какой же он всё-таки сообразительный ребёнок!

- Ты докладывал, что к французу на Миллионную по вечерам приезжают гости, так? Всё больше в каретах без гербов.

- Было дело.

- Полагаю, ты без проблем сможешь рассказать, как они одеты, какого роста и цвета у них бороды. Но по одним твоим словам человека найти сложно. Мне нужны их лица.

- Значица, опять у ворот торчать? - погрузнел малец.

- Нет, нигде ты больше торчать не будешь. Ты будешь работать.

- Кем?

- Учеником фотографа. Я договорилась с владельцем фотографического заведения на Большой Морской.

- А французское посольство как недалеко, - покивал он.

- Как раз. Этот человек покажет тебе, как обращаться с аппаратом, будет проявлять плёнку и печатать карточки. Через него же выправим положенную бумагу на съёмку вне заведения. В ясные дни станешь работать на Гагаринской набережной, возле Летнего сада. Предлагать гуляющим господам и дамам сняться на память. Выдашь квитанцию, через несколько дней они получают карточки в ателье, - продолжила я деловито. - Сенька проследит за воротами. Увидит Вернье с незнакомым человеком и подаст тебе знак. Через всю набережную снимать бесполезно, лица не разберём. Подойдёшь ближе, найдёшь подходящее место. Но к самим воротам не лезть, охрану не дразни и за дипломатами по пятам не бегай. Если тебя заметят, сделай вид, что фотографируешь Гришку, либо быстро уходи.

- Уяснил, чай не впервой, - солидно заметил Васька.

- Хорошо, что мы поняли друг друга, Василий, - серьёзно посмотрела я в его лицо. - Мне особенно нужны те, кто ходят туда часто.

- А что по деньгам? - приподнял брови пацан.

- Вот ты в кого такой хваткий, а? - хмыкнула Мотя.

Я не выдержала и рассмеялась. Успокоившись, покачала головой и ответила:

- За каждый настоящий заказ получишь свою долю. За наблюдение всё остаётся, как прежде. Плёнку и печать оплачиваю я. Справишься со всеми задачами, я подарю тебе этот фотоаппарат, - решила расщедриться я и тут же почувствовала осуждающий взгляд рачительной нянюшки, которая тем не менее не стала высказываться.

Вася снова посмотрел на «Кодак». На этот раз иначе - уже как хозяин на будущую ответственность.

Испытывать аппарат вышли во двор. Солнце светило ярко, настолько, что я невольно сощурилась. Из кухни тянуло сдобой: Прасковья с утра что-то затевала, и Васька уже дважды заинтересованно косился на распахнутое окно.

Я встала возле крыльца, Васька отошёл на несколько шагов, поднял «Кодак» и, высунув от усердия кончик языка, долго примерялся.

- Не шевелитесь, Александра Николаевна. И не хмурьтесь, а то на вечную память сердитой останетесь.

Я невольно улыбнулась, и тут затвор негромко щёлкнул. Всё. Миг моей жизни остался навсегда запечатлён на плёнке Кодака номер один...

Павел Карлович Реймерс снимал портреты, городские виды и имел официальное разрешение работать вне ателье. За уроки запросил немало, зато согласился не просто показать мальчишке, куда нажимать, а обучить всему делу, начиная со съёмки и заканчивая печатью карточек.

В назначенный день он появился ровно в десять утра: худой мужчина лет сорока, с коротко подстриженной русой бородой и вьёвшимися в пальцы буроватыми пятнами. Васька ждал его в моём кабинете, сидя на краешке стула. «Кодак» лежал на столе. Павел Карлович поздоровался со мной и посмотрел на ученика.

- Этот?

- Я не «этот», - немедленно вскинулся мальчик, приподняв подбородок. - Васькой меня зовут.

- Отныне ты Василий, - невозмутимо сообщил фотограф. - Васька может уронить аппарат, разбить стекло и залить проявитель водой. Василий станет слушать, что ему говорят, и делать в точности.

- А ежели Василий тоже зальёт? - мальчишка прищурился, оценивая противника.

- Получит по рукам. Больно.

- Павел Карлович, - предостерегла я.

- В переносном смысле, Александра Николаевна, - всё так же невозмутимо продолжил он и повернулся к мальцу: - вы утверждаете, что уже умеете пользоваться аппаратом?

- Шнурок дёрнуть, кнопку нажать, ключ повернуть. Чего там уметь?

- Замечательно. Тогда покажите.

Васька схватил «Кодак», навёл на окно и потянулся к кнопке. Павел Карлович молча закрыл объектив ладонью.

- Первый испорченный снимок. Свет бьёт вам прямо навстречу. Вместо улицы получите белое пятно, - и забрал аппарат, после чего повёл нас во двор.

День выдался чудесным. Возле каретного сарая конюх чистил сбрую, Прокофий о чём-то спорил с дворником, а Ангара грызла деревянный обрубок, придерживая его толстыми лапами.

- Фотография начинается не с аппарата, - объявил Павел Карлович. - Она начинается со света. Солнце должно находиться у вас за плечом либо сбоку, а снимаемый человек - стоять на открытом месте. В густой тени ваш «Кодак» практически слеп.

- Человек тоже в темноте плохо видит, - заметил Васька.

- Аппарат ещё хуже. Теперь встаньте сюда, - и поставил мальчика спиной к солнцу, поправил его локоть и заставил поднять «Кодак» на уровень груди.

- Держать обеими руками. Ровно. Не заирать вверх и не клонить вниз, да, вот так. Человек не должен подходить ближе трёх аршин, иначе лицо получится нечётким. А теперь взведите затвор.

Васька потянул шнурок.

- Наведите на Александру Николаевну. Кнопку нажимайте пальцем, не толкайте всей рукой. Дёрнете аппарат, и изображение смажется.

- Я вчера уже снимал Александру Николаевну.

- И, полагаю, дёрнул, - приподнял брови Павел Карлович.

- Ничего я не дёргал! - возмутился Вася.

- Вот когда проявим плёнку, тогда и узнаем, - пожал плечами учитель и закрыл объектив, затем велел Ваське повторить все движения без съёмки. Потом ещё раз. И ещё. На шестом повторении мальчишка начал раздражаться.

- Да чего ж одно и то же?

- Чтобы руки запомнили. После каждого снимка поворачиваете ключ на полный оборот указателя, затем снова взводите затвор. Всегда в одном порядке. Иначе либо дважды снимете на одно место, либо пропустите снимок.

- Не пропущу.

- Все так говорят по первости. С виду легко, а после проявления оказывается, что половина ленты загублена.

На десятом повторении Павел Карлович убрал крышку с объектива и кивнул на Ангара.

- Теперь снимите собаку.

Щенок как раз оставил деревяшку и направился к нам, переваливаясь на больших лапах. Васька опустил аппарат ниже.

- Правильно, - впервые похвалил фотограф. - Снимать надобно на высоте середины предмета. Ждите... Сейчас.

Ангара остановилась, заметив кошку, выходящую из-за угла дома. Подняла голову и наострилась всем телом.

Щёлкнул затвор. Васька тотчас повернул ключ, протянул плёнку и снова потянул шнурок.

- Так?

- Уже лучше.

Следующие несколько дней Васька снимал всех, кто попадался под руку. Прасковью у кухонной двери, Макара возле ворот, Мотю с корзиной белья, лошадей, дворовых ребят, Ангара со всех сторон и даже Прокофия, который сперва ругался, а потом потребовал карточку, чтобы послать дочери.

Павел Карлович учил его выбирать место, примечать тени и не суетиться. Заставлял вести счёт снимкам и сразу отмечать в тетради, кого, где и в котором часу он фотографировал. Последнее мне особенно понравилось. Когда плёнка закончилась, мы отправились в заведение Реймерса.

Ателье занимало второй этаж дома на Большой Морской. В передней висели образцы портретов: нарядные дамы возле расписных колонн, офицеры с руками на эфесах, дети на игрушечных лошадках. За стеклянной дверью находился съёмочный павильон с наклонным окном, занавесями и нарисованными задниками. Тёмная комната пряталась в самом конце коридора. Окна в ней не было. Дверь обили войлоком, а снизу к порогу прижимался тяжёлый валик, не пропускающий свет. На длинном столе стояли фарфоровые ванночки, бутылки с притёртыми пробками и кувшины с водой. Под потолком протянули шнур с деревянными зажимами.

Я выкроила время в своём плотном графике не только ради Васьки. Мне и самой было любопытно, как фотография рождается в темноте, среди растворов и запахов химии. Я всё это видела лишь в фильмах или в журналах, сама лично никогда не присутствовала.

Когда дверь закрылась, Павел Карлович зажёл фонарь с красно-оранжевым стеклом. Комната погрузилась в тусклый багровый полумрак.

- Отныне белый свет - ваш главный враг, - заметил он. - Через объектив он создаёт изображение за долю секунды. Здесь за ту же долю секунды способен его уничтожить. Прежде чем открыть аппарат, проверяем дверь и фонарь.

Васька оглянулся. Его лицо в красном свете казалось непривычно взрослым.

- А ежели щёлка есть?

- Вся плёнка пропадёт.

- Вся?!

- Именно. Поэтому сначала ищем щели, потом тянем руки к аппарату. Никогда наоборот. Павел Карлович вынул ключ, открыл «Кодак» и осторожно извлёк катушку. На ней темнела плотно свёрнутая лента.

- Руками касаемся только краёв, - продолжал он. - Посередине находится светочувствительный слой. Оставьте палец и получите его отпечаток вместо лица.

Фотограф отрезал первые несколько участков плёнки и положил их в чистую воду.

- Сначала размачиваем. Затем проявляем. Эта ванночка с чистой водой, следующая с проявителем. Вон та - с гипосульфитом, закрепителем. Не перепутайте их и никогда не переставляйте местами.

Он открыл одну из бутылей. По комнате поплыл резкий химический запах. Васька потянул носом и тут же поморщился.

- Не наклоняйся, чтобы понюхать, не суй пальцы, и не вздумай пробовать на вкус, - резко предупредил Павел Карлович. - В проявителе пирогалловая кислота, она может повредить вам кожу.

- А у вас вон пальцы уже крашенные, - приподнял брови Васька, многозначительно глянув на руки учителя.

- Потому и предупреждаю, - скрыл улыбку в усах фотограф и переложил первый кусок плёнки в проявитель и слегка качнул ванночку, чтобы жидкость омыла её равномерно.

Сначала ничего не происходило, потом на бледной поверхности проступило тёмное пятнышко, за ним - второе. Медленно обозначились ступени крыльца, дверной косяк, складки моего платья.

И моё лицо. Только волосы были светлыми, кожа тёмной, а глаза казались чёрными провалами.

- Александра Николаевна почернела! - шокировано ахнул Вася. - Я всё же испортил снимок, - и досадливо шмыгнул носом.

- Это негатив, как ни удивительно, но ты ничего не испортил, - поспешил его успокоить Павел Карлович. - Светлое на нём выходит тёмным, тёмное светлым. Настоящей карточкой он станет после печати.

Я слегка склонилась над ванночкой. На плёнке застыло то самое мгновение во дворе: я возле крыльца, чуть прищурилась от солнца и улыбаюсь Васиным словам. Странное чувство. Я знала, как работает фотография, видела за свою жизнь тысячи снимков, но сейчас и в самом деле казалось, будто изображение возникло из ничего, буквально из воздуха. Магия, честное слово!

- Хватит, - решил Павел Карлович. - Передержим, и всё уйдёт в черноту, - мужчина переложил негатив в воду, промыл, а затем опустил в закрепитель.

- Проявитель делает невидимое изображение зримым. Закрепитель удаляет то, чего не коснулся свет. После него плёнку уже можно вынести из тёмной комнаты.

- А без него?

- На свету снимок постепенно почернеет и погибнет.

- Значица, мало поймать мгновение, - задумчиво протянул Васька. - Его ещё удержать надобно.

- Верно, - Павел Карлович посмотрел на него с неожиданным одобрением.

Он позволил мальчику проявить следующий снимок самому. Васька взял плёнку за края, медленно погрузил в раствор и принялся осторожно покачивать ванночку. И вот на поверхности проступила Ангара: чёрная спина стала светлой. Собака смотрела на кошку, напряжённая и готовая к прыжку.

- Получилось! - выдохнул Васька.

- Не кричите, - хмыкнул учитель.

- А вы сами-то в первый раз не радовались?

В этот раз Павел Карлович прятать улыбку не стал.

Негативы тщательно промыли и развесили на шнуре. К нижнему краю каждого прикрепили маленький груз, чтобы высыхающая плёнка не свернулась.

Через несколько часов он показал Ваське печать. Уложил высохший негатив на светочувствительную бумагу, прижал стеклом и дал свету пройти сквозь плёнку. Затем бумага отправилась в другую ванночку. Теперь из белизны медленно выступило нормальное изображение. Сначала крыльцо, потом платье, руки и, наконец, моё лицо.

Мы с Василием не дышали.

- Вот и всё. Негатив можно использовать много раз и получить сколько угодно одинаковых карточек, - подвёл итог Павел Карлович.

Мальчик взял мокрый отпечаток за уголок.

- Как живая... Волшебство, однако.

И я была с ним полностью согласна.